

УДК 821.161.1-31

**ФИЛОСОФСКАЯ УСЛОВНОСТЬ В РОМАНЕ Л. М. ЛЕОНОВА
«ПИРАМИДА»**

С. Б. Алиев

Тверской государственной университет
*кафедра филологических основ издательского дела и литературного
творчества*

Статья посвящена идентификации философской условности как типа вымысла в романе «Пирамида» Л. М. Леонова. Идентификация осуществляется через выявление ключевых признаков данного типа повествования о необычном в структуре произведения.

Ключевые слова: фантастика, философия, условность, роман, притча

По нашей гипотезе в романе «Пирамида» присутствует такой тип вторичной художественной условности, как философская условность. Центральная художественная задача, решить которую она призвана, – формирование концепции современность общества, напроць лишенного духовности. В подобных целях эта форма условности использовалась и прежде (например, в «Игре в бисер» Г. Гессе).

Основным принципом философской условности является философское обобщение, которое неизбежно ведет к схематизации картины мира, лишению ее поливариантности. В пределах созданной схемы автор с помощью персонажей – носителей определенных идей, являющихся собирательными портретами отдельных социальных классов и групп, решает сложные экзистенциальные вопросы. В случае с «Пирамидой» Л. М. Леонова таким вопросом послужило варварское разрушение основ русской государственности и изъятие христианских ценностей из русской культуры. Подобная прогрессистская, «освободительная» логика ведет, по мнению автора, к духовному апокалипсису и закату человечества. В тексте романа это выражается образами-рефренами *огня* и *бездны*. Причем *огонь*, по Л. М. Леонову, – настоящее. В нем горит древо русской государственности, и пламя грозит уничтожить саму ее основу – христианские корни. *Бездна* же – то, что ожидает народ после того, как все догорит, когда иссякнуть святыни, растопка кончится и начнется всеобщее отрезвление от нахлынувшего безумия. Эта проблема (ощущение грядущего неблагополучия и *бездны* после того, как дым рассеется) ставилась и до Л. М. Леонова, но не была обыграна столь детально. В качестве примера приведем отрывок из стихотворения С. А. Есенина «Письмо к женщине»: «Лицом к лицу // Лица не увидеть. // Большое видится на расстоянье. // Когда кипит морская гладь, // Корабль в плачевном состоянии. // Земля – корабль! // Но кто-то вдруг // За новой жизнью, новой славой // В прямую гущу бурь и вьюг // Ее направил величаво...» [1, с. 207].

Л. М. Леонов, как и С. А. Есенин и многие из его современников, силится заглянуть сквозь густой дым охватившего страну огня в будущее, увидеть его облик, но ему с трудом удастся разглядеть что-либо наверняка, потому как «лицом к лицу» большое не увидеть, должно пройти много времени, чтобы оно стало очевидно, и он может лишь пытаться делать прогнозы с помощью средств

научной фантастики. С. А. Есенин в своем стихотворении оставляет попытки дать объективную оценку происходящим событиям и их последствиям и объявляет себя «попутчиком» новому строю: «Любимая! //Сказать приятно мне: //Я избежал паденья с кручи. //Теперь в Советской стороне // Я самый яростный попутчик» [1, с. 208]. Обращает на себя внимание тот факт, что поэт называет себя хоть и «яростным», но всего лишь «попутчиком». На что критики из числа современников писали, что партии не нужны «попутчики», даже «яростные», ей нужны активные помощники.

Подобный «попутчик» и Л. М. Леонов, от пристального взгляда которого не ускользают деятели, которые, во главе с Хозяином, «величаво» направляют страну «в прямую гущу бурь и вьюг». Предполагаем, что в связи с этим в сознании писателя и родилась воплощенная на страницах романа и реализованная в рамках философской условности схема «церковь» – то, что было, и «цирк» – то, что стало. «Церковью» при этом являются христианские ценности отечественной культуры. «Цирком» – новая, доминирующая, берущая начало от трудов Радищева, Герцена, Чернышевского авангардистско-большевистская культура. Уже после окончательно прочтения романа становится ясно, что все персонажи разделены на два эти условные лагеря и противопоставлены один другому.

«Пирамида» Л. М. Леонова исследуется более двадцати лет, и, разумеется, подобная особенность сюжетной конструкции произведения не могла остаться незамеченной. Ознакомившись с работами исследователей, мы замечаем, что не первые, кто увидел схему *церковь* – *цирк*. В этой связи отметим статью «Пирамида в «Пирамиде» Л. М. Леонова» В. В. Компанейца и А. Ю. Ковалевой [2], поскольку сделанные этими исследователями выводы – первый шаг на пути к определению специфики философской условности в романе. По мнению исследователей, к лагерю *церковь* принадлежат следующие персонажи: Главный (Бог), о. Матвей Лоскутов, Дуня Лоскутова, Никанор Шамин, Аблаев, Сергей. К лагерю *цирк* – Шатаницкий, Хозяин, Дюрсо, Юлия Бамбалски, Сорокин, Гавриилов, Гаврилов. Все персонажи лагеря *церковь* имеют своих антиподов в лагере *цирк*.

Итак, *церковь* олицетворяет национальное начало и древние традиции жизни общества. *Цирк* населяют иноземцы, чужеродцы, стремящиеся подменить основы русского мировоззрения, сломать основы бытия. За пределами обоих лагерей находится автор, равно принадлежащий и в то же время не принадлежащий ни к одному из них, Дымков – странник, место которого где-то на иных уровнях мировой пирамиды, и Вадим, который с переменным успехом оказывается то на стороне *церкви*, то на стороне *цирка* и, не найдя своего места, погибает.

Имена и прозвища героев, отражающие идейную позицию и мировоззрение их обладателей, сведем в такой список: Творец, Главный, Хозяин, Шатаницкий. Другие персонажи также обладают «осмысленными» фамилиями: Лоскутов, Аблаев, Дюрсо, Сорокин. «Главный» в данном случае – Бог, сотворивший Землю, созданий из огня и из глины. Он следит за порядком на всех уровнях пирамиды мироздания. Его главенство подчеркивается, но при этом существует некто Творец, который сотворил самого Бога и весь существующий мир.

Шатаницкий, ставящий под сомнение мудрость Главного, имеющий звание профессора, «корифей всех наук», возглавляющий русский атеизм, – шайтан, сатана, преследующий цель доказать Главному, что тот допустил ошибку, поставив созданий из глины выше созданий из огня. Для этого он подбивает

людей на безрассудства и безумия. Именно этим они и занимаются на всем протяжении романа.

Хозяин – диктатор, считающий себя богом на земле, управляющий судьбами миллионов подконтрольных ему людей. Логично предположить, что его задача – укрепить свою власть и добиться абсолютного подчинения, абсолютной власти, увековечить свое имя и сохранить свою империю. В романе Л. М. Леонов показывает его потуги ослабить «одну заветную струнку» в мозгу, уничтожить талант и индивидуальность.

Фамилия Лоскутов вызывает ассоциации в первую очередь с лоскутами, в которые представители нового режима порвали прежнюю Россию. Лоскутком жилительной старины является «лоскутовский клад» [3, т. 1, с. 153] – церковь и ветхий домик у погоста, расположенные на окраине города Старо-Федосеево.

Аблаев – нежелательный для молодого социального строя элемент, поп, в буквальном смысле слова облаянный, во-первых, большевиками из-за своего церковного прошлого, а во-вторых, под хохот демонического Минтая в эпизоде в клубе, во время своего отречения от Бога и веры. После всеобщего губительного осмеяния и облаяния Аблаев умирает, полностью исполнив свою задачу в замысле автора.

Фамилия Дюрсо говорит об иноземном, подчеркнута нерусском, происхождении персонажа, завлекшем ангела Дымкова в цирковую стихию. Она вызывает ассоциации с географическим объектом Краснодарского края – сельским округом Абрау-Дюрсо, признанным центром виноделия и известной маркой вина. Кроме того, Дюрсо – пастух, персонаж легенды об озере Абрау. По легенде, некогда на берегах этого озера жило адыгейское племя, столь богатое, что, пресытившись дарованным Богом изобилием и потому начавшее кидать в реку хлебные лепешки вместо традиционных глиняных тарелок во время праздничных игр. Бог решил наказать людей за подобное кощунственное отношение к его дарам, и в мгновение ока цветущий аул провалился в бездну, которая вскоре до краев заполнилась водой и стала озером. Как видим, фамилия Дюрсо снова отсылает нас к образу *бездны*, к проблеме упадка духовности в «обезумевшем» русском обществе, к мотиву расплаты и божьего гнева.

Л. М. Леонов выбирал имена для персонажей своего итогового произведения не случайно. И скрытый в них смысл не всегда лежит на поверхности. Для популярного режиссера советской эпохи, тщетно пытающегося создать подлинное произведение искусства, автор выбрал фамилию Сорокин. Его бесконечные пустые разговоры действительно напоминают сорочий стрекот, но смысл этой фамилии много глубже и обусловлен той ролью, которую Сорокин выполняет в романе. Дело в том, что Сорокин противопоставлен Никанору Шамину, поклоннику и спутнику ясновидящей Дуни Лоскутовой, стоящей на пути непротivления и соборности. Антагонистом Дуни в романе выступает Юлия Бамбалски – потомок аристократической семьи, «пани ведьма», обладающая нехорошей, злой красотой, строящая планы по зачатию антихриста, чтобы доказать окружающим ее плебейам свое превосходство. Ангел Дымков мечется между «ясновидящей» Дуней и «ведьмой» Юлией. В итоге именно Юлия своими чарами сумела околдовать и использовать его для удовлетворения своих эгоистичных замыслов. Неудивительно, что спутника этой «ведьмы» Л. М. Леонов назвал именно «Сорокиным». Дело в том, что с сорокой в отечественном фольклоре связано множество, как правило, дурных примет. Сорока, по преданию, единственная птица, не пожелавшая войти в Ноев ковчег. Она расположилась на

верхушке ковчега и смеялась над умирающим миром. Такой же едкий насмешник и леоновский Сорокин. Также сорока – птица дьявола, потому как под языком у нее якобы находится капля крови владыки Преисподней.

Интересна в этом отношении легенда, связанная с правлением Ивана Грозного. Незадолго до смерти царь приказал отловить всех ведьм на Руси, обложить пойманных соломой и сжечь. «Охватило полымя ведьм – и они подняли визг, крик и мяуканье. Поднялся густой черный столб дыма, и полетели из него сороки, одна за другою – видимо-невидимо. Значит, все ведьмы-переметчицы обернулись в сорок и обманули царя в глаза. Разгневался тогда Грозный царь и послал им вслед проклятие. "Чтобы вам, – говорит, – отныне и довеку оставаться сороками!" Так все они теперь и летают сороками и до сих пор боятся царского проклятия пуще острого ножа. Поэтому ни одна сорока не долетает до Москвы ближе шестидесяти верст в округе» [4, с. 57].

В Сибири слово *сорока* служит синонимом слову *ведьма*. Сибирские племена до сих пор верят, что ведьма способна превращаться в сороку. Ведьма, мол, спускается в погреб, перекидывается через нож, и верхняя половина ее тела обращается в сороку. Нижняя при этом так и валяется в погребе, пока сорока летает.

Существует еще множество легенд о сороке как о верной спутнице и форме перевоплощения ведьмы. Учитывая этот подтекст, неудивительно, что верного спутника и поклонника «пани ведьмы» Л. М. Леонов называет именно «Сорокиным». Такая фамилия – символ. Он вызывает на уровне подсознания ассоциативные образы из необъятных просторов народной памяти, что помогает автору точнее донести свой замысел до читателя.

Итак, в романе Л. М. Леонова можно выявить следующие признаки существования философской условности:

- модель мира синтезирована в единую, предельно упрощенную схему (*церковь – цирк*);
- персонажи наделены значимыми, выражающими их идейную позицию именами (Творец, Главный, Хозяин, Штатаницкий);
- максимальная внешняя детализация при максимальной абстракции.

Сосредоточившись на *церкви* и *цирке*, Л. М. Леонов детально описывает эти противоположные стихии со всеми их обитателями. Одновременно с этим на уровне философского обобщения поставленная автором проблема быстро выходит за грани личных судеб персонажей. За ними видится, как в споре западников и славянофилов, проблема взаимоотношения культур и путей исторического развития России и стран Европы, вопросы о возможности существования и об оправдании бездуховного общества, взаимоотношения Бога и человека.

Философская условность может обнаруживать демонстративно яркий вымысел при усилении степени моделирования событий и фактов. Обнаружение таких «сгустков» философской условности позволило бы с большей убедительностью констатировать наличие данного типа вымысла в романе.

Анализируя тест «Пирамиды» находим три ярко выраженных эпизода проявления философской условности [3, т. 1, с. 81–83; т. 1, с. 413–418; т. 3, с. 265–267]. Показательно, что все эти эпизоды – притчи. Отметим, что философская условность – неотъемлемый атрибут притчи, более того, она формирует ее жанровую структуру. Все три эпизода связаны с о. Матвеем, и это обусловлено общим пафосом произведения. При этом два из них – его провидческие сны. Третий – фантастическая явь. Изучая эти фрагменты текста, отмечаем, помимо

вышеназванных, следующие признаки философской условности, дополнительно присутствующие в этих притчах и позволяющие нам с полной уверенностью констатировать присутствие данного типа вторичной художественной условности в романе:

- лишение персонажей узнаваемых индивидуальных черт. Персонажи – олицетворенные идеи;
- картина мира лишена привязки к конкретной исторической эпохе. Действие происходит без прямого упоминания конкретных исторических деятелей или дат – как бы вне времени или в очень размытом временном промежутке;
- действительность *пересоздается* с учетом объективных законов социального развития взамен воспроизведению. При этом изображаемая модель может быть сопоставлена с реалиями настоящего;
- принципиальный отказ от создания иллюзии достоверности.

Список литературы

1. Есенин С. А. Избранные сочинения. М.: Худож. литература, 1983. 385 с.
2. Компанец В. В, Ковалева А. Ю. Пирамида в «Пирамиде» Л. М. Леонова // Вестник волгоградского государственного университета. Серия 8. Вып. 4, 2005. С. 47–51.
3. Леонов Л. М. Пирамида. Роман-наваждение в трех частях. Т. 1–3. М.: Голос, 1994.
4. Прохоров С. М. Наблюдения над бытованием коломенских легенд о Марине Мнишек. // Коломенский альманах №6. Коломна-М., 2002. С. 52–60.

PHILOSOPHICAL CONDITIONALITY IN THE NOVEL OF L. M. LEONOV "PYRAMID"

S. B. Aliev

Tver state University

The department of philological basics of publishing and literary creation

The article is focused on identifying a philosophical conditionality as a type of fiction in the novel "Pyramid" L. M. Leonov. Identification is done through identifying the key characteristics of this type of narration about the extraordinary in the structure of the work.

Key words: *fiction, philosophy, conditionality, roman, proverb*

Об авторе:

АЛИЕВ Самир Бахлул оглы – аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: goonplz@yandex.ru